

Москва

1

2017

Журнал русской культуры

Выходит с марта 1957 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей России

Российский Фонд Мира

Трудовой коллектив
журнала «Москва»

1

2017

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Юрий ВИГОРЬ. <i>Мой первый гусь. Рассказ</i>	3
Наталья ТУГАРИНОВА. <i>Русская раса. Стихи</i>	17
Михаил ПОПОВ. <i>На креслах всходних. Роман. Окончание</i>	24
Светлана ЛЕОНТЬЕВА. <i>Угол небосвода. Стихи</i>	113

ПУБЛИЦИСТИКА

Леонид РЕШЕТНИКОВ. <i>Зачем?</i>	118
Наталья ЛАКТИОНОВА. <i>Заблудшая сестра — Украина</i>	122
Михаил АЛХИМЕНКОВ. <i>Третий Рим и Град на холме</i>	135

КУЛЬТУРА

*К 50-летию первой публикации «Мастера и Маргариты»
в журнале «Москва»*

Андрей ВОРОНЦОВ. <i>Черная магия и ее разоблачение. Эссе</i>	147
Наталья и Лев АНИСОВЫ. <i>Русские художники</i>	153
Юрий КОМАРОВ. <i>Мои импрессионисты</i>	160
Анатолий ВАСИЛЕНКО. <i>Крест Прохоровых</i>	178
Георгий ПАНКРАТОВ. <i>Помогите себе сами</i>	187

РУССКИЕ СУДЬБЫ

Николай ГОЛОВКИН. <i>Дом в Китай-городе</i>	191
---	-----

МОСКОВСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

<i>Рецензии на книги:</i> Алексей Варламов. <i>Шукшин.</i> — Лев Колодный. <i>Кто написал «Тихий Дон»? Хроника литературного расследования.</i> — Андрей Белый. <i>Путешествие по Средиземноморью.</i> — Николай Полотнянко. <i>Минувшего лепет и шелест.</i> — Наталья Тугаринова. <i>Теорема о России</i>	214
--	-----

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Владимир КИСЛОВ. **Покровка — один из центров русской литературы (XVIII–XIX века)** 221

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Протоиерей Константин БУФЕЕВ. **Воздыхание о «миссионерской литургии»** 232
Николай КАВЕРИН. **Елицы вернии — изыдите!** 238

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Заместитель главного редактора М.М. ПОПОВ (495) 691-71-10

Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (495) 691-83-64

Отдел прозы и поэзии Т.А. НЕРЕТИНА (495) 691-68-01

Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84

Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (495) 691-71-10

Корректор О.И. ИВАНОВА

Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:

игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ,
П.В. МУЛЬТАТУЛИ, А.С. САЛУЦКИЙ,
М.Б. СМОЛИН (председатель), епископ ТИХОН (ШЕВКУНОВ),
И.Р. ШАФАРЕВИЧ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 15.12.16. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная.
Тираж 1480 экз.

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: 73253 — каталог РОСПЕЧАТЬ, 15612 — «Пресса России», 45211 — каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

e-mail: priem@moskvam.ru

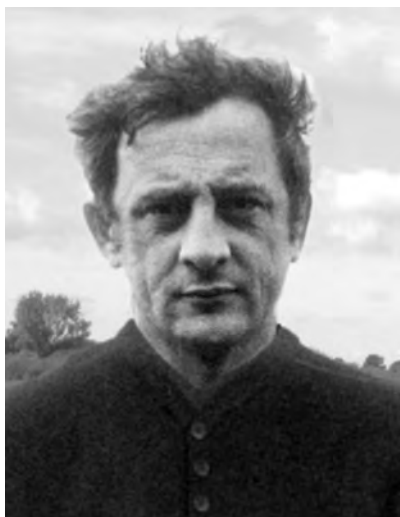
Отпечатано в АО «Красная Звезда». 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62. Сайт: www.redstarph.ru; e-mail: kr_zvezda@mail.ru. Заказ № 5756-2016.

ISSN 0131-2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 1, 2017

ЮРИЙ ВИГОРЬ

МОЙ ПЕРВЫЙ ГУСЬ

Юрий Павлович Вигорь родился в 1940 году в Одессе. Окончил Одесский институт инженеров морского флота.

Еще в юности увлекся охотой, много путешествовал. В качестве специального корреспондента газеты «Труд» исколесил почти всю страну. Регулярно выступает в периодической печати со статьями и очерками на тему охраны природы. Печатался в журналах «Новый мир», «Север», «Крестьянка» и др.

Автор книг «У самого Белого моря», «Анзорские острова», «Дорогами России», «Охотничья жилка».

Лауреат журнала «Студенческий меридиан» за лучшую приключенческую повесть года (1982).

Живет в Москве.

РАССКАЗ

Честно признаться, не снилось мне и не мечталось в юности убить гуся. И конечно же не потому, что желание казалось дерзким или противоестественным, но осуществление мечты представлялось абсолютно нереальным, фантастическим...

1

Мы с приятелями ездили на охоту под Одессой по Николаевской и Вознесенской дорогам на разливы и косы Телегуло-Березанского лимана, он славился плавнями в вершине, между крохотными деревеньками Березовкой и Соловьевкой, где впадала неторопливая пресноводная речушка с чистой, очень вкусной водой. Я всегда наполнял здесь свою старую трофейную алюминиевую флягу, привезенную отцом с войны. Она была обшита зеленым войлоком, застегивалась на кнопки, где были выбиты немецкие орлы. Фляга хранила прохладу реки. Пресная вода привлекала не только домашнюю и дикую птицу, утром сюда гоняли скот на водопой, но никто в колхозе не удосужился сделать водозабор и поставить насос. Во дворах селян в колодцах вода была солоновата: лиман был частью моря, отрезанного Коблевской косой. Вечером и утром в плавнях, тянувшихся километра три, был неплохой утиный лет, но днем жизнь замирала, только у деревеньки возились в траве и покрякивали в камыше одомашненные егерем Мыколой «крыжни», как называют на Одессине кряковых уток.

Едва вечерело небо и на воду ложились мягкие, задумчивые шафрановые тени, пробуждалось комарье, серебристые мотыльки мельтешили перед глазами, в небе появлялись сотни ласточек, вылетающих на охоту. На краю Березовки распарывал тишину резкий хлопок пастушьего бича, походивший на выстрел. Это

пастух Ерема лениво гнал к стану коров. Солнце наливалось тревожным малиновым жаром, пьянело от деревенской скуки, от усталости и в истоме валялось за холмы. Умолкали в полях кузнечики, перепела, готовился ко сну коростель, зарывались в пыль во ржи куропатки. С первой звездой появлялись над плавнями стаи куликов-брыжачей с победным, веселым, будоражащим сердце юного охотника писком, за ними начинали валить с полей стаями кулик-просяник, тювить, желтоножки. Они светлели на лиловом небе желтоватым в черную крапинку брюшком. Кулики были моей любимой дичью. Они присаживались на отмель, важно покачивались на длинных ногах и зондировали клювом ил. Но вот наступал миг, когда через прореху в небе начинал падать на плавни как черный снег вертлявый чирок-трескунок. Он делал над метелками камыша неожиданные пируэты, стремительные зигзаги и вдруг, притормозив, плюхался с едва уловимым плеском на облитую жаром солнца воду, как лепешка из теста и перьев. Замирал на секунду-другую и начинал бодро фильтровать клювом болото. Чирок валил и валил в плавни до самой темноты. Он завоевывал плавни самозабвенно, уверенно, безнаказанно, не обращая внимания на то, как стрелял и затейливо щелкал бич пастуха, поднимая клубы искрящейся на солнце пыли у проселка вдоль плавней. И уже в темноте, когда луна четко отпечатывала свой медальный лик в задумчивых, сонных плесах, когда первая звезда Вега встречала на небосклоне своих осмелевших подружек, когда загорался Млечный Путь, наступал час кряковой утки, которую хохлы называли крыжнем. Они низко-низко стелились над камышами, чуть поводя шеями, чуть притормаживая то здесь, то там, выискивая ряску по-жирнее, место поукромнее.

До темна слышались скупые выстрелы селян, словно кто-то вбивал гигантские гвозди в цинковое небо, примериваясь вновь и вновь молотком.

Гуси побаивались этих мест, они облетали истоптанные коровами берега плавней стороной. Гусь любит укромные, тихие поля, сиротливые, пустынные заводы, где суета сельской жизни не берedit, не ранит птичью ауру. Гусиную медлительную, вескую мысль, нехитрую песнь не должны перебивать пастухи, мычание коров, собачий лай и вздорные людишки с ружьями.

Угодья окрест Березовки были засеяны рожью и пшеницей, в полях по осени тархтели трактора и комбайны, позванивали боталами коровы. Колхоз «Березовский» не то чтобы процветал, но и не отставал от других. В Березовке жили четыре охотника, но патронов у них вечно не хватало, порох был в дефиците, дробь мужики лили сами. Они не были добытчиками и давали птице отсидеться в плавнях. Домашняя птица гомонила во дворах.

Дикие утки дневали посреди Телегуло-Березанского лимана, покрывая его лик плотно, как веснушки — лик деревенской красавицы. Лиман, как богатырь, лежал в сытой, чуть пьяной от водорослей спячке. Моторных лодок в ту пору почти не было, а деревянные лодки сгнили, мастера перевелись, рыбацкие артели ушли с этих берегов в Очаков.

Телегуло-Березанский лиман — самый крупный из всех одесских лиманов и самый рыбный. Но о нем не написан ни один рассказ, никто не рассказал о тайнах этого лимана. Я начал свою лебединую песнь с рассказов об охоте в этих плавнях. Один из них — «Пока не стемнеет» — опубликовал журнал «Наш современник», хотя рассказы об охоте там обычно не печатают. Куда девать остальные рассказы, я в ту пору еще не знал.

Добираться до Телегуло-Березанского лимана надо было на попутном грузовике часа полтора, дорога была ужасная, вся в ухабинах, пыль стояла

столбом, допекала августовская жара. Полуторки ломали рамы на этих дорогах. Деревьев в телегульском полевом раздолье не было, по полям носило ветром перекасти-поле, зато были сотни баштанов, где водились перепела и куропатки. Я никогда не возвращался из этих мест без добычи.

В студенческие годы жилось трудно, отец остался без работы, мать писала картины от тоски. Жирная похлебка редко бывала на нашем столе. Дичь стала главным источником моих энергоресурсов, я вырос на плове из куликов, на жарком из чирков и лысух. Когда не было средств добраться до Березовки, я странствовал по берегам Хаджибейского лимана. Этот знаменитый лиман гуси облетали стороной, он не годился для кормежки. В пятьдесят третьем году здесь построили гидропорт: военные хотели отрабатывать технику бомбовых ударов, обрушивая бетонные болванки на лиманские косы. Но дело у них почему-то не заладилось. Гидропланы, как древние ящеры, спали на берегу, в куриной слепоте, и ржавели, пугая птиц. Вдоль берегов лимана обильно росла загадочная трава под названием «куриная слепота». Окрест в полях не сеяли пшеницу, рожь, ячмень, все было покрыто травой и солончаками. В километре справа лежал Куяльницкий лиман, на его белесых от солончаков берегах местные селяне добывали соль. Лиман был удивительно пустынный и тихий, зато знаменит лечебной грязью. Вода здесь была столь соленой и плотной, что не водились даже нырки. На ней можно было лежать, раскинув руки и ноги по сторонам. В лунные ночи Куяльницкий лиман светился фосфоресцирующим блеском. Он походил на мертвое царство воды, отрезанной от Черного моря узким «Пересыпским перешейком». И вот это отрезанное от Черного моря озеро тосковало по штормам и кораблям. На его скалистых, узорчатых, покрытых боярышником и облепихой склонах охотились на кроликов, гнездившихся в норах.

Я рано утратил детскую веру в защищенность, но охота, как ни странно, помогала мне составить идиллическую и радостную картину мира.

Когда доводилось увидеть в небе пролетающий неторопливо волнистый клин степенных гуменников, изредка ронявших высокомерное «кага-ганг», или шумные, гогочущие о чем-то своем на высоких нотах стаи казар, я долго, с почтением, с замиранием сердца провожал их взглядом. Гуси казались мне гостями из другой страны. Хотелось взлететь и следовать за ними, меряя землю милями, озерами, лесами, минуя стороной города, где мне было тесно, душа моя жаждала простора, высоты... Моя недавняя юношеская охота на «Полях орошения» у самой Одессы, в прибрежных зарослях чахлого камыша, годившегося скорее для декорации, казалась делом пустячным. Сердце рвалось в неведомый полет, за гусиными стаями. В их полете, в кинописи их изломанного строя, было нечто большее, нежели торжество романтики. Я спрашивал, глядя в небо: «Откуда вы, братья? Куда?» Ведь было где-то озеро, глухое болото с крепким, слегка удушливым до пьяни запахом, с белесыми и скромными цветочками по краю трясины, с манящими отмелями, рассыпанными как ожерелья на груди у сонных, девственных вод. Я умозрительно знал, что именно тут гуси начнут сбавлять высоту и удостоят вниманием землю с дикими проплешинами первородного естества, где пульсируют чистые соки земли. Одобрительно, степенно, важно загогочет вожак, пошлет вперед разведчика, тот сделает круг, вернется и замкнет стаю, словно оберег. Потом первая пятерка гусей начнет снижаться и вдруг изменит рисунок полета, словно из озорства, падет боком к камышам, резко опрокинув корпус на правое крыло, и неожиданно рухнет с выси, как фугасы, со свистом, аж дух займет. И уже метрах в сорока от земли вдруг круто выровняют полет,

подожмут оперение крыльев, затем расправят и пройдутся ленивым махом вдоль болота, словно с почтением. А потом тяжело, усладно, истомно падут на воду, с шумом, брызгами, разогнав болотную сонную дурь, чуть поджимая хвостовое оперение. Замрут, оглядятся по сторонам, без единого звука, и с ленцой начнут целовать воду — кормиться...

Для кормежки гусь не любит глубину, он не умеет нырять. И если болото примет птицу достойно, если оно по краям защищено топью — заночуют на воде или укромной, дальней отмели, сторонясь шумных утиных стай, вздорного птичьего гомона, куличьиной суеты, писка, допуская к себе в соседство только осторожного, чуткого, гордого кроншнепа.

Наверное, в ту пору в сердце моем было нечто птичье, нечто перелетное, жадное к зрительному ряду, к перемене мест. Меня тянуло к новым берегам, материкам и лесам. Я мечтал о дальних странах, морях, заочно был влюблен в Африку и хотел посвятить свой инженерный резерв ей: строить там каналы, орошать пустыни. Я ощущал всем сердцем свою ненужность в том месте, где я жил: на Пересыпи в Одессе, в коммуналке, во дворе с затопленными подвалами, убогими домишками, тесным, грязным двором, где люди отгораживали старательно друг от друга свои мирки, крохотные, городили куцые палисадники. Я был тогда нелюдимым и походил на человека, с которого сняли кожу, но который жив и все чувствует, любую боль, только гораздо сильнее и ужаснее коренных пересыпских аборигенов. Я не мог выносить долго иронию и шутки сверстников по поводу моего увлечения охотой, все они считали меня чудачком, называя убийцей времени. Подспудно, всем сердцем я рвался в полет, в неведомо прекрасное далекое. Я рисовал в воображении «новые, не поруганные человеком миры». Во мне незаметно прижились сотни птичьих повадок и песен: то я пел скворцом, то соловьем, то «гангал» гуменником, то падал с высоты соколом-сапсаном и издавал крик, от которого шарахались даже лошади. Лет в девять я научился крякать по-утиному на все лады, свистел по-куличьиному, подражал соловью, обманывал дроздов, заманивая их в чашу, где ставил клетки. Болота, заболоченные озера, излучины рек с косичками камыша, топкие гати приводили меня в умиление, я твердо знал еще мальцом, что в каждом болоте живет своя, очень важная тайна. Я верил в русалок, леших, кикимор, водяных, уважал лягушек и жаб, разговаривал с водяными жуками, поползнями, лез без сапог в грязь, на глубину, за уткой. Я ничего не боялся, не увязал в трясине, не тонул в топях, они «держали» меня на своих зыбких, текучих плечах с кокетливыми кочками в лиловых венчиках цветов. В семь лет я перестал верить в сказки, что в болотах живут змеи. Главное — не рвать осоку в болоте, она режет, как бритва, в болоте все кочки и кусты надо бережно обходить. Ломаный камыш болото поднимет само со временем и напоит свежими целебными соками.

Попадись мне на Хаджибейском лимане гусь — я ни за что не стал бы в него стрелять. Но во сне я стрелял по гусиным стаям, что да, то да, был грех. Я убивал казару и гуменников, серых гусей сотнями во сне и спасал наяву. Они повисали на моих тороках, купленных на одесском Привозе, а потом обрывались и улетали черт знает куда в небо. Это были настоящие охотничьи сны. И все же я верил: придет пора заполевать гуся!

В то жаркое лето нашу крохотную студенческую группу отправили в село Вилково, на Дунае, помогать рыбакам. Я прихватил с собой ружье. Определили меня в крохотную деревеньку, недалеко от острова Кислица, чуть ниже по течению. Об этом острове я написал пять рассказов. Они долго лежали в моем столе... Харч был у меня скудный. Мне и моим пяте-

рым напарникам выставляли на обед котел то ли с супом, то ли с борщом, в нем плавали для украшения какие-то хвосты — то ли рыб, то ли русалок. Но навару не было. Суп варили из обрезков разделанной рыбы.

Был конец августа, охотничий сезон в самом разгаре, заматеревшая птица моталась вдоль реки, пробуя крылья на прочность, отрабатывая рисунок полета. Степенно плыли в дрожащем, нагретом солнцем небе гусиные стаи и стаи журавлей, в лесах, покрывавших остров, перелетали витютни, горлицы, голуби-клинтухи, их мелодичное воркование будоражило мне кровь.

Хозяин хаты, где я стал на постой, Парамон, рыбак по крови в третьем поколении. В глазах его как будто плавала сама рыба мудрость. Он был молчалив и супил важно брови, порой поглаживал усы. Двигался он неторопливо, важно, как карп, виляя невидимым хвостом и помаргивая значительно толстыми, жирными веками. Парамон почтительно покосился на мой ТОЗ-34: на ложе красовался кожаный затыльник с амортизатором моей ручной выделки.

— Лягай раньше, хлопец, завтра нагрянем в плавни, в Соленый кут, отчалим по-темному, — сказал он и спросил, сколько у меня патронов с крупной дробью. — Тики ты дывы, там кабанов диких як гною, однако не пужайся, воны кругами коло тебэ спочнут шастать, и нехай... Иды бесперечь скрозь камыши. А як рассвет — снигуть кабаны геть у куты. Трава там пыше гарно: «болотный дурман». Вепрь дюже любит ее, мужае от нее чи шо. А може, вин дуреет? Я с филоги не вылажу, вепрь мне жилу на ноге порезал ночью давеча, а ты рискни: вода низкая — цапле по титьки буде, а може, де и глыбже... Не втопешься даже, коли бажаешь. Черт не зъист. Но место тамочки гусиное. Скрозь помет ихний. Карп его любит дюже. Я вирши ставлю колы-николы в том куту...

Сказав все это с ленцой, подавляя в себе зевоту, клипая очами, он потер сладострастно друг о дружку фиолетовые пятки могучих казацких ног и завалился в клуне на высоченный, колышущийся и словно живой матрац из кукурузных листьев. Разговорчивый матрац раздвинул свои глубины и опеленал казака ласковыми магическими шорохами. Парамон храпел жарко, нежно, сладострастно, страдательно, будто пел брачную весеннюю песню на току. Я не встречал человека, который засыпал бы столь стремительно, бесповоротно и почти гибельно. Он буквально утонул в обуявшем его сне. Я прислушивался к его могучему дыханию и дивился казацкому здоровью. Его не кусали даже комары.

Мне было постелено в душевой избе, за занавеской, в громадной горнице, где еще кто-то усердно сопел и едва подхрапывал с женской мелодичностью. Я лежал с открытыми глазами, в воображении моем рисовалось болото, поросшее дурман-травой, важно хрюкающие кабаны манили меня в гости. Я не воспринимал их как дичь, они были аборигенами, хозяевами болот, почти богами. Убить дикого кабана в плавнях было для меня святотатством.

Я долго не мог заснуть от необычайного возбуждения и каких-то неясных, но восхитительных чувств. Открытое на всю ночь окно моей комнаты, затянутое сеткой, выходило в сад. Сквозь серебристые нити сетки при сильном лунном свете, отраженном вдобавок рекой, я видел большие яблони, вишни и абрикосы в саду, шпалеры виноградной лозы. С полей веяло духом созревающей за садом пшеницы. Изредка раздавался в ночной тишине громкий крик коростелей, монотонно повторявших одно и то же усыпляющее скрипение. Сколько раз я слышал этот крик прежде и после, но ни прежде, ни после этот крик почему-то не действовал на ме-

ня столь сильно, словно это был голос предзнаменования, голос судьбы. В нем было нечто торжественное и странное, словно он предназначался лично мне. Я силился угадать его смысл и хотел было закричать покоростелиному в ответ, но в этот миг я уснул и забыл навеянную чарами ночи тревогу.

Ночь выдалась теплая, росистая, над рекой клубился зыбкий подымок, открывая в серебристых проплешинах неожиданно сверкавшую твердой гладью реку. Она вела в своих глубинах таинственную, очень важную работу, без единого рыбьего плеска или шалости русалок. Я чувствовал всем телом исходившую от Дуная громадную энергию. Ему было тесновато в берегах, и он чему-то сопротивлялся, что-то хотел сказать плеском мелкой волны и, казалось, неустанно лечил свои раны, промоины, раны водной плоти, принесенные течением из Австрии. Удивительная тишь пеленала реку. Такая тишь, как ни странно, угнетает мой дух. Я люблю едва уловимые намеки ночи, шорохи, покачивание звезд у борта фелюги, случайный крик птиц, сытое кряканье уток на ночной жировке, музыку сверчков, крики сов... Но вот стало рассмеркиваться, как говорят казаки...

Парамон уже сидел на корме в позе хорошо позавтракавшего сфинкса. Одной рукой он держал ручку переключения скоростей и газа. Фелюга легко побежала по спящим водам. С едва уловимым легким перезвоном дробились у пологого глинистого берега в мелких завихрениях отражения крупных, как кувшинки, звезд.

— Расчехли фузею, — сказал минут через десять Парамон. — Туточки нейтральные воды. Як бы воны наши воды. Но они как бы и нейтральные. Румыны беглые балуются на островах. Зона там, — кивнул он в сторону румынского берега, где во мгле плавали, как медузы, жидкие огни на вышках тюремного лагеря. Оттуда доносило ветром воздух «несвободы».

Потом мы благополучно свернули влево, попали в протоку, урезающую путь, где стояла сеть Парамона, а через минуту снова вырвались на простор. В устье Дуная множество мелких островов. Парамон утверждал, что их шестьдесят девять.

Легкий ветер сносил перистую, рваную одымь, словно расчехлял реку для дневной работы. Фелюга играла с рекой. Она пыталась обогнать дробившийся в реке месяц. Но вот мотор чихнул. Парамон убрал газ. Из темени выплыл нос встречной фелюги. На корме сидел, как черный сфинкс, бородач.

— Румын? — спросил я и положил палец на предохранитель.

— Та не, то брехня, — сказал таинственный бородач. — Масло у меня закинчилось. Вот и подал сигнал огнем. Дай, Парамоша, долить. А то стуканет двигун...

Синеватой вспышкой дрогнул огонек, обнажил на секунду лицо бородача, оторванное тенью от туловища. Крепко, задиристо запахло махрой.

— Ты куда удумал? — спросил он у меня и затянулся. Огонек самокрутки рдел на фоне его лица дырой, сквозь которую жадно сочилась в ночь жизнь.

— В Соленый кут, — обронил лениво Парамон.

— А я на взморье сети вымать.

И мы снова понеслись сквозь темень, сквозь причудливые декорации ночи — и вдруг вышли на простор Дуная, уже изменившего цвет воды. Мимо плыли очертания заколдованных деревьев на сонных островах. Редкие огоньки бакенов казались прочнее, ярче на фоне ночной реки. Перед

носом фелюги бойко и весело бежал пенистый бурун, пел победную песню Дунаю. У самого борта сильно плеснуло, показалось громадное рыло, коровьи глаза...

— Сом! — засмеялся Парамон. — Балует!

Мы свернули в протоку. От берега с низким, гортанным криком оторвалась огромная цапля и распахнула крылья, словно парус. Бесшумными махами она разогнала мошкарку и тяжелые тени кустов. Дно мелело, волна била в берег настойчивей, за кормой вспыхивал серебристыми блесками след микроорганизмов с сорванных водорослей. Отражения звезд безжалостно швыряло волнами к берегам протоки, они вязли в камыше и скачивались ко дну.

— Сколько в своей жизни, Парамон, ты видел таких ночей? — спросил я.

— Та сквозь все такие, — хмыкнул Парамон.

Он мог бы стать поэтом или философом — но он привык к этой реке, она стала для него обыденностью, он жил в мире привычных вещей. И нечему было удивляться. Он даже не думает о рыбе... О чем же он думает сейчас? Я же мечтаю о несбыточном: как запечатлеть в рассказах протекающую мимо меня реку времени. Мы с Парамоном воспринимаем эту ночную реку по-разному. Но красота непременно оставила след в его душе. Он не думает о реке, как человек не думает о своей руке или ноге. Река как бы часть его плоти, часть его духа, он подзаряжается от нее.

Парамон курил и лениво сплевывал за борт крошки табака. Он был где-то очень далеко от меня.

Высадился я на черневший в устье уютном острове, названия его не вспомню, а кругом тьма лежит библейская, серп месяца скрылся за облаками, камыши повсюду выше головы, и непонятно, куда идти. Стою я, и странно мне вдруг стало, что Парамон бросил меня вот так запросто, словно я родился тут и найду дорогу по звездам. А в темноте шуршит кто-то, сопит недовольно шагах в десяти. Я не могу понять, в какой же стороне море. Думал пойти по звездам, компаса нет. Где-то неподалеку тревожно кричат гуси, много, видно, гусей там в ту пору собралось. Я почему-то тогда подумал, что я единственный человек на этом необитаемом клочке земли, единственный охотник в островах. Страха во мне почему-то нет, и что-то подпирает сердце, словно я выпил эликсир счастья. Ну, сказал я себе, проживем мы тут вволю. Ладно, не соскучимся. Отбиться от зверя патронов хватит. Бог не выдаст, кабан не съест. Поправил я свой рюкзачок за спиной и неспешно направился во тьму навстречу неизвестному, но почему-то многообещающе пленительному. Следовало бы красться тише, чтобы не потревожить гусей, но сухой плавник предательски потрескивал под ногами. Руки все тянулись ухватиться за камыш для остойчивости, и то и дело я оскользался на кочках. В правой руке я держал ружье стволами вверх, левый локоть чуть выставил вперед и расчищал им, как спартанским мечом, дорогу.

Камыш стал редеть, в разгоряченное лицо ударил порыв утреннего бриза. На востоке уже рассмеркивалось; темно-лиловая густень у горизонта неумолимо набухла малиновым, теплым светом, но звезды еще были пристально яркие и твердо горели высоко в небе. Чем дальше я шел, тем вернее утверждался на острове. И все больше уток взлетало впереди и рядом по сторонам, с треском распарывая крыльями сырую паутину темени. То и дело слышались тревожные короткие всплески, чьи-то всхлипы. Крикнула рядом заполошно выпь. Впереди уже взлетали не одиночные

крякаши, а стаи, треск мощных крыльев заставил меня устыдиться моему беспардонному вторжению и втянуть голову в плечи.

«Распугаю всю дичь!» — сказал я себе. Если бы в такой темени и удалось что-то выцелить чудом влет на проглядывающей временами лунной дорожке в болоте, я все равно не стал бы стрелять, нарушая священную тишину, — ведь где-то совсем рядом, в невероятной близости, таились в камышах гуси. И от их тревожного гомона у меня начинался нервный озноб. Много, видно, в тот час гусей там собралось. А потом они все разом как-то особенно дружно загомонили, точно подбадривая друг дружку на своем птичьем языке, точно придя скопом к общему согласию. И едва разрядилась малиновым просветом тугая дымчатая синева над морем, первая стая тяжело взмыла в стылое небо над вздернутыми султанчиками камыша. За ней тотчас потянулась другая, третья. Они летели плотными рядами, чуть волнистая линия змеилась над морем низко-низко. Летели гордо и важно, с какой-то особенной, как мне тогда казалось, торжественностью, словно выполняя строго заведенный ритуал и боясь упустить свой гусиный утренний час. Летели молча, и только вожак изредка коротко погогатывал: дескать, все в полном порядке, давайте, ребята, смело за мной. Постепенно они вытягивались над горизонтом, низко, метрах в тридцати пяти, и мне хорошо были видны подтянутые к серебристым перьям розовые лапки, коричневый крап окраски на груди, оранжевый клюв.

«Господи, — сказал я себе, — первый раз вижу так близко гусей». Гусей, провозглашающих смену времен года, зримых мной прежде только в недоступной, гордой вышине небес.

Я смотрел на них, точно ввергнутый в гипноз. Мне бы в эту секунду крикнуть кому-то со стороны: «Чего же ты, эдакий растяпа, медлишь, не стреляешь? Ведь еще секунда-другая — и поминай как звали!»

И в этот миг непонятная сила — назовите ее азартом, страстью, рукой Божьего провидения — заставила вскинуть ружье, затем, слегка поведя стволами вперед и вверх, я выстрелил дуплетом в уже пролетевшую мимо стаю.

Пламя блеснуло ослепительно-коротко желто-багровым. По смутно-холодному небу стегнуло и прошило насквозь густой, сырой воздух, напоенный запахами трав. Что-то черное пронеслось у меня перед глазами разлохмаченным комом и тяжело, грузно плюхнулось у самого уреза воды. Второй гусь упал замертво чуть правее, в прибрежную траву. И тотчас стая сердито, тревожно загомонила, быстро и круто набирая мощными взмахами крыльев высоту.

У меня еще хватило выдержки не кинуться немедленно сломя голову подбирать трофеи. Я присел в заросли камыша, как нашкодивший кот, и быстро переломил холодными руками казенник, пытаясь унять дрожь. Меня колотило, как наркомана. Не прошло и тридцати секунд, как на меня налетела новая стая гусей.

«Дунай, унеси эту стаю подальше в море!» — невольно думал я. Мне было достаточно двух гусей. Но азарт не отпускал, под ложечкой ныло, я снова почувствовал озноб азарта. Я отдуллетил, но уже без недавней горячности, тщательно выцелил вожака чуть впереди оранжевого клюва. Первым выстрелом я дал промах, к своему великому изумлению, но вторым достал. Гусь рухнул на илистую отмель неподалеку от берега.

Трясающимися руками я снова полез в патронташ и только сейчас ненароком обнаружил, что стрелял впопыхах шестеркой: заряжал ведь ружье, сойдя на берег в крошечной тьме, да и не надеялся сразу палить по гусям. Но с расстояния тридцать метров и этой мелкой дроби оказалось достаточно, если учесть, что целил боковую птицу «под перо», чуть пропустив мимо, да и

ружье у меня было штучное, с резким и кучным боем, двенадцатого калибра, хоть и купленное по случаю у знакомого в расрочку.

Я отер пот со лба и пошел подбирать трофеи. Гуси оказались необычайно крупными, тяжелыми, словно налитыми жиром. Они оттягивали руки, как чугунные гири.

Над кромкой камышей уже проступал густо-алый край солнца; оно все ярче набухало пронзительным молодым светом. Зорька была в самом упоительном разгаре, гуси продолжали лететь, но уже выше, поднимаясь круто вверх с глухого озера в глубине острова. Маршрут свой они все же не меняли и тянули почти надо мной, чуть правее, метрах в шестидесяти. Я сделал еще два дуплета нулевкой по налетающим в лоб птицам. Дробь глухо стегнула по крыльям, словно по фанере, но потом один гусь странным образом отделился от стаи, начал забирать неожиданно круто вверх и упал замертво далеко в море. Раздеваться и плыть за ним казалось полнейшей бессмыслицей. Я не утерпел, хотя вода была довольно прохладной. Жаль было терять добычу после такого трудного выстрела.

Море было чистым, как слеза. Волнистое дно устилал бархатный песок. Я плыл кролем. Птицу все дальше уносило в открытое море. Я был на глубине. И тогда я дал темп, рванул стометровку кролем, потом перешел на баттерфляй.

Минут через двадцать я выбрался на берег, оделся и направился в глубь острова, пытаясь разогнать на ходу кровь.

По сиренево-малиновому небу с востока во всю ширь неба летели утки стаями и поодиночке, они шли низко, словно не обращая на меня ни малейшего внимания, словно их никто не пугал здесь выстрелами сотни лет и они впервые зрят непонятное существо, объявившееся из пучины моря.

Кругом сильно пахло старым камышом, прелыми водорослями и сухим илом. Ветер капризно менялся. Теперь с моря дул легкий освежающий бриз, отгоняя комаров. Рядом шумел на песчаном берегу слабый прибой; заблудиться в зарослях острова не составляло опасности.

Я отыскал небольшое озерцо, все усеянное светлым утиным пухом. За полчаса мне удалось настреляться вволю по чиркам, и я вернулся туда, где оставил в тени под кустом убитых гусей и мой рюкзак.

Остров через отмели и косы был связан с соседним островом, где было три залива в густых порослях камыша. Их называют здесь кутами. Где-то далеко и с раскатами доносились ломкие от эха выстрелы, но я не завидовал никому из местных охотников. Я был самым счастливым человеком на земле в то утро. И сколько лет минуло с тех пор, сколько воды утекло, сколько в жизни было радостей и печалей на охоте, но то золотое утро мне особенно почему-то запомнилось на всю жизнь, как первая любовь. И как свободно и молодо дышала тогда грудь! И не чувствовалось ни малейшей усталости после бессонной ночи на залитом полуденным светом морском берегу, где в дрожащей дымке тугого, сухого воздуха плыли миражи, или это и впрямь тянулись без конца вереницы гусей и уток в поля, в сторону Вилково.

Я отыскал и собрал стреляные гильзы, чтобы не порочить остров. Солнце уже стояло высоко. Утки летели вдоль уреза воды, со стороны Румынии, в пределах выстрела. Но я уже не стрелял.

После полудня в дальнем конце острова послышался комариный звон мотора, показалась из-за камышей рыбацкая фелюга, с мягким шорохом ткнулась крутым, гордым форштевнем в прибрежный песок.

— Добре! — кивнул Парамон при виде моих трофеев.

— Поидемо до стану юшку варыты, — добавил его напарник Петро. — Пиратскую юшку с гусями и осетриной.

2

После первой удачи с гусями долго не выдавалось случая добыть новый трофей. Были счастливые охоты на уток, но разве идет в сравнение меткий выстрел на зорьке по добром, матерому гуменнику, у которого от падения на землю лопается кожа на крепкой, залитой жиром груди!

Пробовал я охотиться на Татарбунарском лимане, под Одессой, с гусиными профилями и чучелами. В конце сентября — начале октября тут появляются стаи пролетных гуменников, которые летят на утренние и вечерние кормежки — на овес и овсяные жнивы. Но в эту пору столько заядлых гусятников колесят на машинах по окрестным полям, что настиганная птица в поисках покоя стала кормиться темнозорями. Она поднимается на крыло перед самым рассветом.

Нет, что ни говоришь, а ой как не просто заполевать у нас на «Одещине» гуся.

Следующая удача выпала мне в Астрахани, на осеннем взморье. Дело было в ноябре, утренники на рассвете покрывали разводя кое-где тонким ледком. Я стоял на вечерней зорьке среди разводий, лет был слабый, я снял трех чирков-свистунов да одного матерого крякаша; пора было собирать утиные чучела и отправляться в сторожку и топить печь. Промерз я на ветру ужасно.

Сумерки уже порядком сгустились; на воде, чуть подернутой рябью, серебрилось отражение лунного лика. Через час его прихватит корочка льда.

Тоскливо и глухо прокричала в соседних кустах выпь. И вдруг над самой моей головой раздалось пронзительное «ганн-ган-ганг». Я почти непроизвольно вскинул ружье — полыхнуло длинным фиолетовым огнем. Тяжелый ком просвистел мимо меня рядом, в каком-нибудь метре, обдав фонтаном брызг. Это был отбившийся от стаи молодой гусь, подругу которого подстрелил мой сосед справа в начале вечернего лета.

Повезло мне однажды и на весеннем пролете в Ярославской области. Мы приехали втроем с вечера в небольшую деревушку Горячие Ключи. Егерь рассказал, что валовый пролет гусей уже миновал, но еще подходят разрозненные стаи на поля овса, открывшегося от снега.

Стоит ли говорить о нашем нетерпении и беспокойном сне в ту ночь. Один из моих спутников, Андрей Вирта, свалился ночью с печи и ушиб ключицу. Поднялись мы поэтому задолго до рассвета и отправились в поля. Едва начало светать, как дружно повалили гуси на соседнее поле, где были жнивы старой гречихи. Стаи шли на большой высоте, старательно облетая малейшие кустики и затем уже снижаясь кругами строго посреди поля.

Андрей Вирта дал дулет из своей двадцатки Императорского Тульского завода. Один гусь из стаи пал замертво. Я выпалил безуспешно с десятка патронов, снаряженных двойкой. Дробь хлестала по крыльям налетающих гусей, словно по сырой фанере. А птица валила и валила на высоте восемьдесят метров. Впору было стрелять мелкой картечью.

Я помчался в деревню за лопатой, стал рыть окоп, украсил его ветками и соломой. Труды мои увенчались успехом: после полудня удалось выбить гуся нулевкой из налетевшей метров на сорок стаи.

На другой день, еще затемно, мы пришли на это поле и сели в окопы, но ни одна стая не появилась в небе, птица ушла ночью.

3

Лет пятнадцать назад мне посчастливилось охотиться в устье Дуная, на острове Потапово, в обществе приятеля Жоры Приходько, водителя грузовика крохотного мебельного магазина на Новом базаре в Одессе. Охотничьих приятелей порой посылает нам случай. Жора был весельчак, воевал в Афгане, служил в разведке, лишился двух ребер и оказался на гражданке без пенсии и квартиры. Но счастье улыбнулось ему: он женился на одесситке, директрисе букинистического магазина на площади Мартыновского. Я, как любитель старинных книг, часто посещал этот магазин.

Вилковский рыбак Еремей Бульба на парусной фелюжке долго вез нас к Потаповскому гирлу. Мы свернули в один из восточных рукавов, а перед самым выходом в море, где устье реки ширилось, он переложил руль круто влево. Фелюжка вошла в узкую протоку и минут через двадцать мягко ткнулась крутым носом в светлое песчаное дно. Дальше шла мель, за ней открылось крохотное заболоченное озерцо в объятиях высоченного камыша.

— Баста, — возвестил с нарочитой торжественностью в голосе Еремей. — Это и есть знаменитый остров Потапово.

— Такой крохотный, — удивился я.

Еремей неторопливо спустил кливер. Парусина заплескала под порывом ветра. Жора бережно свернул парус и закрепил к гику.

— Здесь только я ставлю сети. Людей не бывает. Даже пограничников, — сказал Еремей. — Утренние зорьки лучше стоять на берегу моря. Комар не бьет там. А птица вся тянет вдоль берега, против ветра. Самый лучший лет, когда ветер дует на Румынию. Там, на озерах, где кормятся утка и гусь, орешник растет водяной, кувшинка болотная и трехлистник. Ежели хороший западный ветер, птица снимается на крыло и идет отсиживаться в эти плавни. Я и сам охочусь иной раз. Но влет стреляю слабовато. Бью сидячую крякву, гуся.

Мы с Жорой прихватили наш скарб, рюкзаки, палатку, котел и ступили на остров. Земля была мягка, податлива под ногами, словно ковер, и густо устлана шелковистой травой. Мы прошли шагов пятьдесят и выбрались на чистинку. Слева, сколько хватало глаз, тянулась стена камыша высотой в человеческий рост, а справа, со стороны моря, простиралась длинная серебристая серповидная коса в порослях осоки и куриной слепоты. Всюду по отмелям важно и беспечно разгуливали голенастые серые цапли, их было больше, чем белых, но белые были подвижнее, они перебежали с места на место. Издали казалось, что тут происходит совещание птичьих дипломатов: изящные колпицы медлительно и грациозно вышагивали в ослепительно-белых фраках и произносили беззвучные, одним птицам понятные речи, встречаемые кивками клювов. В отдалении от моря, ближе к плавням, на отмелях было черным-черно от птицы. Дремали на отмелях кряквы, свиязь, чернушка, гоголь. А у самого камыша белели кокардами на лбу лысухи, их было не счесть. Да и зачем же их считать?

— Я так скажу, — напутствовал нас дядя Еремей, отирая загорелыми, в шрамах от канатов пальцами красноватые, отечные веки. Он положил в нос очередную понюшку табаку из берестяной коробочки, вдохнул поочередно левой и правой ноздрей, помедлил и продолжил сентенцию: — Ежели по утям зараз палить станете, вечером гуся не жди. Эвон они отдыхают в море на отмелях, — указал он короткопалой, загорелой рукой

на северо-запад, где над водой белела тонкая мутная полоса, походившая на отдаленный прибой. — Не шевелись! Гуси идут прямо на нас! — вдруг воскликнул старик и чихнул.

Он присел в траву и замер. Стая гусей летела над морем, но, не дотянув до нас метров сто двадцать, сделала крутой разворот, протянула левее и опустилась на косу с подветренной стороны. С моря ее защищал камыш высотой в метр. Теперь до них было метров триста пятьдесят. Нас разделяла поросль невысокой, чахлой осоки, в которой не мог бы спрятаться даже подсвинок, и песчаные дюны, усыпанные острыми, хрупкими ракушками. Минут через пять со стороны моря прилетела еще одна стая гусей и опустилась на том же мыске. Ветер с моря крепчал. Мелкая волна начинала расти и уже гнала веселые, пенистые барашки. Я достал из рюкзака бинокль и осторожно выглянул из куста. Гуси прямо под мыском на небольших отмелях казались через окуляры особенно крупными, размером чуть не с пеликанов. Это были знаменитые румынские гуси, откормленные на полях пшеницы, выращенной лагерниками. У них был тюремный или лагерный колхоз. Гуси были светло-коричневой окраски. Они не испытывали ни малейшей тревоги, некоторые лениво и степенно паслись, другие отдыхали, поджав шеи к туловищам, и только крайний к нам гуменник внимательно, не зыскующе озирался по сторонам. Он исполнял роль сторожа, играя ее без тени энтузиазма.

— Ну что, полезем по-пластунски, вспомним старые навыки, — обратился я к Жоре.

— А почему нет? — улыбнулся он.

Мы зарядили ружья тройкой и уговорились, что я буду бить первым по крайним слева, а он тех, что правее.

— Та не подпустят, чертяки! Зря спаритесь на солнце. И потом, тут змеи есть, маленькие, желтые: песчанка, — скептически ухмыльнулся дядя Еремей.

— Вы знаете, как работают одесские пластуны, — сказал Жора. — Наблюдают, но без эмоций, товарищ рыбак. А от змей есть проверенное средство.

— Какое? — удивился старик.

— Мы умеем шипеть по-змеиному. Вот так. — И Жора издал шипение, звучавшее не как угроза, а как команда опасности.

Послеполуденное солнце палило нещадно в глаза, едкий пот заливал лоб, мешался с песком, когда мы продирались через низкие, но очень упрямые заросли репейника. Первые сто метров мы одолели легко. Жора полз метрах в пяти за мной. Главное — правильная работа корпусом и ногами, на руках надо только подтягиваться. И не смотреть лишний раз вперед. Руки ныли от укусов ракушек. Они резали тело сквозь ткань. Вторая сотня далась сравнительно терпимо, но на третьей я увидел на песке отдыхающую змею. Это была обыкновенная песчанка. Наши глаза были на одном уровне. Она смотрела на меня метров с трех. Чудом я углядел ее на крохотном бугорке. Кого она караулила здесь? Песчанка никогда не кинется в атаку на жертву, если жертва больше ее. Она смотрела на меня с любопытством. Я опустил козырек еще ниже. На правой руке у меня был ремень ружья, укороченный втрое, на стволах кожаный маячок, чтобы не зачерпнуть песок. Я малость выдвинул ружье вперед, очень бережно и нежно. Песчанка лениво поползла вправо и даже не оглянулась на меня. Мы разошлись миром.

Пульс у меня снова бился по-прежнему — шестьдесят четыре удара в минуту. Начинала ныть кожа на локтях и коленях. Мы одолели двести

пятьдесят метров, оставаясь незамеченными. До гусей оставалось метров сто. Боже правый, что это была за тщательная, немилосердная работа! От гусей нас не прикрывал ни единый кустик камыша. Два крохотных пучка осоки вряд ли можно назвать прикрытием. Порой мы передвигались по совершенно открытому берегу, без единого кустика. Нас едва скрывал небольшой песчаный гребень высотой сантиметров сорок. Мы продвигались как жуки. Я говорил себе: «Надо ползти, умерив работу таза и ног, не позволяя переваливаться и змеиться телом. Главное — подтягиваться на руках». Как я жалел, что не вырубил загодя двух колышков сантиметров по сорок, заостренных на конце! Вытягивая руку вперед, можно втыкать колышек в песок и подтягиваться. Потом я решил изменить стиль и стал отталкиваться от песка носками сапог, толкая тело вперед и одновременно подтягиваясь на широко расставленных локтях. Я загребал грунт локтями, не отрываясь от земли. Временами я чуть склонял голову набок и пытался оглядеться, ориентируясь на рисунок берега.

Сидевшая в метре от меня на кустике молочая с зонтичными желтоватыми цветами крохотная коноплянка уставилась на меня блестящими бусянками глаз с жадным любопытством: что за странное существо змеится по песку, поблескивая стеклами очков?

Мы двигались черепашими темпами. Расторопному жуку или кузнечику не составляло труда обогнать нас. Но дело заключалось в выдержке. А также исключительно полезной тренировке позвоночника. Триста метров в день таких страданий — и вы избавляетесь от радикулита. Ничто не разминает позвонки лучше пластунской эквилибристики суставов.

Выжженная солнцем полынь-коротышка едва скрывала наши макушки. Временами я завидовал землеройке, сожалея о своих непомерных габаритах.

Чем ближе мы подвигались к гусям, тем больше росло напряжение. Азарт будоражил кровь и звенел в крови. Он чуял приближение гусей. И ему было плевать, что сердце мое стало колотиться с частотой сто двадцать ударов в минуту. Пот заливал глаза. Очки запотели. Я полз почти вслепую. Со стороны гусей донеслось легкое, приветственное «ганн-ганганг!». Еще одна стая шла на посадку со стороны моря. Я следил, как они опускались на отмель с дальней стороны.

Мне неловко стрелять сидячих гусей. Что-то смущает меня; наверно, я эстет. Перевернувшись на спину, я смотрел в небо и приводил в порядок свой вестибулярный аппарат. Надо мной парила стая журавлей. Надо дожидаться Жоры. Я уже слышал его дыхание.

Что может думать охотник в такие минуты? Что может занимать его сознание, кроме жажды бесконечной свободы и отрешенности от суетных мирских забот? Над тобой плывут в лазурной тишине сиреневые облака, ты явственно ощущаешь острые запахи земли и трав, слившись всем существом с природой. Три колючки шиповника в моих ладонях помогли мне протрезветь. Заветный холмик, выбранный в качестве ориентира, был в метре от меня. Я вычислил его заранее. Перед ним крохотная ложбина, на дне ее торчат шесть перышек осоки. Я робко раздвинул их. Они казались мне толщиной с дерева. Мир за это время стал другим. Другим стал я. Я жил на уровне травы. Я стал уважать жуков и кузнечиков и обнаружил, что мои габариты мешают мне жить. Зачем мне рост метр девяносто? И тут я обнаружил, что могу стрелять без очков, что-то изменилось в хрусталиках моих глаз. Очки устало лежали в траве. Я отлично видел гусей: ближний стоял ко мне боком, на одной ноге, как йог, чуть прикрыв веки.

Жора был рядом, он перевел дух и дал понять, что готов к стрельбе. Я вскочил и выстрелил дуплетом. Гуси с возмущенными криками покидали косу. Я успел сунуть в казенник патрон и снял еще одного гуменника, уже на излете. На отмели белели четыре гуся.

Мы вышли на берег моря, положили гусей на траву, скинули сапоги, маскхалаты и кинулись в воду. Было начало сентября, вода казалась чудесной. Потом мы вернулись к палатке и стали готовить обед. Еремей давно уплыл проверять сети.

— Глянь, опять стая гусей на том же месте! — воскликнул Жора и протянул мне бинокль.

Я вздрогнул от удивления. На мыске сидела стая гуменников, голов десять. Зря они решили искушать нас.

— Повторим демарш? — спросил приятель. — Когда еще выпадет такая удача?

И мы поползли опять, гонимые азартом, жадностью, инстинктом дикаря. Прodelать этот путь второй раз оказалось труднее. Помогала вера, что мы ползем не зря. Чем ближе подбирались мы к гусям, тем учащеннее стучал пульс. Я взмок от усталости и зноя, я проклинал свою сговорчивость и страсть к охоте, ведь я любил гусей, а полз убить уже излишнее. Но человек слаб. Он слаб оттого, что ему редко, очень редко выпадает удача. И обидно потом жалеть, что упустил шанс. Очки я оставил в палатке. За стеблями осоки четко рисовались на воде силуэты двух плывущих гусей. Загремели выстрелы. Стая тяжело поднялась на крыло. Еще четыре гуся стали трофеями.

Мы искупались, вернулись в стан и принялись потрошить румынских гусей. Мы варили обед, а на то же место опускались все новые и новые гусиные стаи. Но мы уже не тревожили их. Часть гусей мы отдали рыбакам и завалились спать в палатке. Но охотничий зуд не давал нам покоя. Утка моталась над озерами и тянула вдоль уреза воды. Мы не стали стрелять крякашей — они казались нам слишком легкой добычей — и решили пострелять чирков. Стаи чирков-трескунков с реактивным свистом налетали из-за стены камыша. Но едва день пошел на излом, птица ушла в глухие плавни и поля на кормежку. Взморье опустело. Мы отстояли вечернюю зорьку без единого выстрела.

Потом, в подлунье, мы выбирались из болота, а на воде перед нами покачивалось отражение молодого месяца. Зыбкая серебристая дорожка убегала в сторону моря и терялась в густой, вязкой мгле, где слабо шумел морской прибой. Высоко в звездном небе, в просветах редких облаков, черными пунктирными цепочками тянулись в сторону Румынии вереницы гусей. Мы провожали их тоскливыми взглядами в надежде, что они не в обиде на нас, а ветер со стороны лимана ласково обдувал наши разгоряченные лица.

Едва доковыляв до палатки, мы забрались в спальные мешки и забылись крепким сном. Но и во сне мне чудилось, что я ползу по острову, а гуси летят, летят...

Среди ночи я проснулся и откинул полог палатки. Месяц купался в перистых облаках высоко над горизонтом. В плавнях слышались беспрестанные шорохи и всплески. Ночь прорезал свист крыльев возвращающихся с полей в плавни утиных стай.

НАТАЛЬЯ ТУГАРИНОВА

РУССКАЯ РАСА

Посвящаю эту книгу ТБ-2018

Теорема о России (отрывки)

Определение термина

Это не род, не вид, не класс.
Русская раса — это запас.

Запас огня, воды и суши,
Запас слов, тревожащих душу.
Запас сосен, высоких, корабельных,
Запас песен, тихих, колыбельных,

Запас углеводов,
Запас ста великих народов.
Запас нашей пролитой крови,
Запас сил, называемых любовью.

Наталья Степановна Тугаринова родилась в городе Гусиноозерске Бурятской АССР. С отличием окончила Иркутский государственный университет и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук.

Работала преподавателем в Иркутском государственном университете, пресс-секретарем Федерального государственного учреждения «Центральная телевизионная и радиовещательная студия Минобороны России» (Телеканал «Звезда»), в настоящее время вице-президент фонда «Культура. XXI век».

Автор либретто рок-оперы по роману М.Булгакова «Мастер и Маргарита», фолк-оперы «Сибирские былины», сценариев постановок, кинофильмов (в том числе детских). Автор поэмы «Война и мир» в стихах по роману-эпопее великого классика русской литературы Л.Н. Толстого. Поэма легла в основу либретто рэп-рок-оперы Натальи Тугариновой «Война и Мир» («Война&Peace»).

Член Союза писателей России.

Живет в Москве.

Русская раса — Спас на крови.
Русская раса рождена в любви.

Мир на ладони

Когда весь мир залит кровью войны,
Когда нет в миру ни любви, ни веры,
Я не ищу ни в ком никакой вины —
Я просто смотрю на свои вены.

Мои ладони похожи на карту
Двух полушарий планеты:
Вот эта линия — это Экватор.
Вот — территория Нового Света.

Я вижу Африку на линии жизни,
(На линии разума вижу Швецию),
А вот холм Венеры — это Греция.
Россия — на линии сердца.

Бежит по венам кровь моих дедов,
Потоком народов, смешением рас.
Цыганские кудри какой из предков
Дал мне? И узкий разрез глаз?

Кому я обязана польской гордыней,
Арабской вязью моих страстей?
Меридианам времен и былей
И параллелям моих скоростей.

В кого я так непокорно упряма,
Когда ненавижу, когда люблю?
Кто дал мне в наследство отца и маму?
Кто дал мне русскую душу мою?

1612 год. Шляхтич Бельский

Я пришел в эту землю тебя воевать.
Я забыл и Отчизну, и невесту, и мать.

Ты взглянула с иконы, улыбку тая, —
И рассыпалась в поле шляхта моя.

Я последний из рыцарей, я Дон Кихот,
Это мой последний крестовый поход.

И теперь посреди широких степей
Присягаю кремлевской гордыне твоей.

Присягаю твоим золотым куполам —
Нашу веру мы делим с тобой пополам...

XIX век. **Цыганская баллада**

Собирался казачий сход, Собирался на сход народ,	— На тебе будет греть Атаман свою плеть!
Приходил на тот сход цыган: — Ты послушай меня, атаман...	А цыган на всю станицу Запускает песню-птицу:
Выдай ты за меня дочь, А не то умыкну в ночь.	«Без тебя мне на свете люто — Пхаррував пала туге!
Сход цыгана — на смех: — Ты один против всех!	Для тебя оставлю волю — Выберу казачью долю!»

Конь под ним чубарой масти —
И подковой бьет на счастье.

Песня казачки

Сиж у окна — пряду,
А ночью к тебе приду.
Идешь по земле как дождь,
А ночью ко мне придешь.

Как вор, как разбойник — тать,
Меня будешь воровать.

XX век. **Прабабка**

В Гражданскую — холод. И все сурово.
В деревне Тохой, где сосны плачут,
Прабабка моя читает Толстого —
Мать одиннадцати казаков и казачек.

Пришла война. Плакать не стали.
Дело такое, на то и родились.
Кто в репродукторе? Товарищ Сталин?
Неважно. Собрались и пошли.

Две похоронки в окно постучались:
Один на море, другой под Брестом.
Горе спрятала за иконы, накрылась шалью,
Твердой рукой сотворила крест.